

обрубок, которым играют дети'), синтаксически (колодку / килу *вешают, носят, таскают*).

Спорынья, колодка и кила как продуцирующие символы появляются в обрядовом карнавальном дискурсе — святочном, масленичном, ивано-петровском; они являются элементами древнейшей смеховой культуры, связанной с идеей обновления жизни и возрождения.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М., 1974—. Вып. 1—.

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН, Москва
mvalent@mail.ru

Этнолингвистический комментарий к этимологии слав. **vľkodlak*

Мифологическая лексика довольно часто привлекает к себе внимание лингвистов. Одним из таких слов является слав. **vľko-dlakъ* 'волк-оборотень; вампир'.

Этимологии этого слова и связанным с ним культурным реалиям много внимания уделили В. Н. Топоров и В. В. Иванов. Их этимологическая гипотеза была впервые сформулирована в 1963 г. на V съезде славистов и в последующие годы развивалась в целом ряде работ. Отдельные положения гипотезы уточнялись, дополнялись новыми данными, в том числе этнокультурными, и к настоящему времени для слав. **vľkodlak* практически всеми мифологами принимается этимология, возводящая части этого слова к древним корням со значениями 'волк' и 'медведь'.

Результаты многолетних исследований в этом направлении кратко можно подытожить так. На основе анализа славянских названий оборотня (рус. *волкодлак*, *волколак*, *вурдалак*, укр. *вовкулак(a)*, *волкулак*, блр. *вавкулак*, *ваўкалак(a)*, *воўколак(a)*, польск. *wilkolak*, *wilkolap*, *wilkotek*, чеш. *vľkodlak*, словац. *vľkodlak*, *vľkolak*, *vrkolak*, словен. *kodlak*,

okodlak, verkodlak, volkodlak, с.-х. *вукодлак*, болг. *врѣколак*), балтийских (*vilkalokas, vilkalotas, vilklakis, vilkolakis, vilkotakis, vilktakys* и др. — при прус. **ilokis / *klokis*, лит. *lokys*, лтш. *lācis*, латг. *lōcš* ‘медведь’), румынских (*svîrcolak, vîrcolak*, аромун. *vurcolác*), греческих (*βρικόλακας*) и албанских (*vurvullák, wurvollák*), а также германских личных имен (др.-исл. *Ulf-bigrn, Bigrn-olfr*, др.-в.-нем. *Wulf-bero, Bero-ulf*, вестгот. *Ber-ulfus*) восстанавливается исходная общеславянская форма **ǫlk- & *dlakŭ*, в которой первый компонент отождествляется с названием волка, а второй является реликтом слова, сохранившегося в южнославянских названиях шерсти, волос (словен. *dláka*, с.-х. *длѧка*), хотя для более древнего периода в этом компоненте предлагается видеть следы древнего индоевропейского названия медведя (хеттск. *ḫartagga-*, греч. *ἄρκτος* и т. п.). Возможной причиной преобразования древней формы и значения последнего было исчезновение в славянских языках индоевропейского корня названия медведя.

В плане этнокультурных параллелей к этой этимологии отмечалось, что мотив превращения человека в волка и медведя широко распространен в славянской и — шире — европейской народной и древнеевропейской ритуальной культуре. Привлекались германские данные о «воинах-волках», надевавших на битву волчьи шкуры и кричавших «как собаки», о древнегреческих «медвежьих людях» (*Ἀρκάδες*) и медвежьих шкурах жриц Артемиды браурониях, а также хеттские свидетельства о «людях-медведях», «людях-волках», «людях-львах» и «людях-собаках», о человеке в бараньей шкуре, кричащем по-волчьи. В целом подобные факты позволили видеть в слав. **vilkodlak-* отражение древних тотемических представлений, связанных с медведем и волком.

Развитие этой мысли привело исследователей к предположению о том, что в отдельных традициях «волчье» и «медвежье» каким-то образом соединились, что могло существовать «гибридное» мифологическое существо, имевшее черты волка и медведя, или оборотень, обладающий способностью обращаться как в волка, так и в медведя.

Предпосылки к таким заключениям были в целом верными: у индоевропейцев, у северо-кавказских народов и тюркских народов «евразийского ареала вплоть до айнов» были развиты культы волка и медведя, использовались личные имена со значением ‘волк’ и ‘медведь’ и т. п.; в традиционной духовной культуре и фольклоре славян,

литовцев, германцев имеются свидетельства о сакральных и магических превращениях как в волка, так и в медведя.

Вместе с тем представляется, что наличие культов животных, пусть даже и перекрывающихся, не может свидетельствовать о существовании гибридных мифологических существ. Этнолингвистический славянский материал (а также хеттские и древнегреческие данные) указывает на параллельное существование превращения либо в волка, либо в медведя, никогда не смешиваемое. В целом логично предположить, что и в древние века служитель культа, оборачиваясь в шкуру тотемного животного, «оборачивался» именно этим тотемным животным, а не другим. Настораживает также отсутствие следов гибридного «волко-медведя» в поверьях, легендах и иных фольклорных жанрах в славянской и других индоевропейских традициях (при наличии поверий о людях-великанах, псоглавцах и пр.). В поверьях о волколаке, которые сосредоточены в основном в германо-балто-славянском ареале, речь идет исключительно о волчьих чертах образа. Поверья об оборотничестве в медведя представлены реже, чем о превращениях в волка, в фольклоре и мифологии балтов, лужичан, у поляков в Силезии, у восточных славян (далее — у коми, башкир и др.), но при обозначении этого персонажа слово *волкодлак* не используется. При значительном сходстве символические образы волка и медведя в традиционных народных воззрениях во многом различаются.

Объединение с и м в о л к и этих животных могло происходить в магических текстах (особенно в заговорах, ср. грыжу загрызает «бабка с *медвежьим* ртом, *волчьими* зубами»), а также в антропонимии, как у германцев: др.-исл. *Ulf-biörn*, *Biörn-olfr* и т. п. ‘волк-медведь’ или ‘медведь-волк’. Эти имена возникли, видимо, в период формирования отдельных индоевропейских праязыков (ср. «германское» имя медведя, нестабильное место частей сложного имени). Их функциями были вербальная защита человека, носящего имя, покровительство тотема рода, магическое наделение человека качествами названных животных. В прабалтославянских диалектах такие имена, скорее всего, не сформировались, поскольку к этому периоду слово **dlak-* уже означало ‘шерсть, шкура’, а форма и семантика славянского слова, называющего медведя («медоед»), не позволяли образовать такие сложения. Семантическое развитие слова **vľkodlak-* пошло по пути демонологизации

сакрального имени, что привело к появлению персонажа «оборотень», т. е. человек-волк, человек «в волчьей шерсти».

Объяснение балтийских названий медведя требует отдельного изучения. Прабалтийские диалекты могли сохранить древнее индоевропейское значение корня **dlak-* / **tlak-* (например, в связи с их периферийным положением среди мигрирующих индоевропейских племен). Значение 'медведь' могло развиваться вторично, в связи со значением **dlak-* 'длинная шерсть, шерсть как у медведя' (ср. чеш. *dlaka* 'длинная шерсть', *dlakoš* 'ондатра', *dlakoun* 'млекопитающее из семейства бобровых') и под влиянием субстратных финно-угорских представлений о медведе и превращении в медведя в новом ареале расселения.

Этимологию слав. **dlaka* / **tlaka* следовало бы рассматривать отдельно от более нового сложного названия мифологического персонажа **vlkodlak*, возводить второй компонент которого к слову со значением 'медведь' нет оснований и по хронологическим причинам.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
zhannavarbot@yandex.ru

Уже не гапаксы

Единичность фиксации какого-либо слова (так называемый гапакс) в одном из существующих диалектных или исторических лексикографических источников часто является основанием для сомнений в правильности записи слова и даже в компетентности и добросовестности автора-лексикографа. Опыт показывает, однако, что подобные сомнения нередко впоследствии опровергаются появлением новых фиксаций, так что неизбежен вывод о необходимости закрепления в диалектных словарях всех единичных записей, имея в виду вероятную перспективу их позднейших подтверждений, тем более что соответствующие лексемы могут оказаться весьма ценными для истории языка. Ниже рассматриваются два подобных случая.